
ИЗУЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Историографические заметки

Чураков Дмитрий Олегович -
д.и.н., профессор МПГУ.

**Новые подходы к октябрю:
хорошо забытое старое?**

По сравнению с предшествующими юбилеями, нынешний юбилей Октябрьской революции проходит на фоне почти полного молчания научных и общественных кругов. Словно речь идёт не о юбилее события, полностью переменившего лицо человеческой цивилизации, а о рядовом историческом событии. Что произойдёт именно так, можно было предсказать уже два года назад, когда столь же молчаливо встретила Россия годовщину другой своей революции — революции 1905–1907 годов. Тогда события первой русской революции отмечали по большей части либо уж на совсем маргинальных общественных мероприятиях, или уж на совсем узких научных конференциях и семинарах.

Что же, и в наступившем затишьи можно увидеть положительный момент. Возможно, наконец, пришло время спокойно, объективно разобраться в сущности происходивших в 1917 году в российском обществе тектонических сдвигах. Во всяком случае, волна скороспелых и часто недобросовестных публикаций, ещё недавно мешавших историческому осмыслению русской революции 1917 года уже не так довлеет над исторической наукой¹.

Справедливости ради следует признать, что Октябрьский период советской истории фальсифицировать оказался значительной трудней, чем любой другой. В этом имеется своя логика. Именно период революции был наиболее глубоко и всесторонне освещён в отечественной исторической литературе. Уже в 1917 и 1918 гг. выходят

---

¹ Впрочем, прозвучавшие на некоторых юбилейных мероприятиях выступления, а так же общий тон отдельных телепередач, приуроченных к юбилею революции, показывает, что полностью избавиться от пресмыкательства перед властью предрезающими многим историкам так до конца и не удалось. Показательны в этом отношении два круглых стола, проведённых академическим институтом Российской истории. Первый из них был посвящён февральским событиям, второй — Октябрьской революции. Характерной чертой этих двух мероприятий было то, что специалистов, изучающих события собственно 1917–1918 годов на них было не много. Зато присутствовали чиновники от науки и люди, с “правильными” взглядами на “торжество демократии” в феврале, и “узурпацию власти” в Октябре 1917 года. Столь же резко бросается в глаза, что чем “меньшей эрудицией” по данному вопросу мог похвастаться тот или иной выступавший, тем радикальней, я бы даже сказал крикливей оказывалась его позиция.

первые работы большевистских деятелей, в которых закладывалась будущая советская историографическая традиция освещения Октября. Немало было сделано и после, когда, кроме исследований, выходило множество документов, происходивших “с той”, противоположной большевикам стороны. Это и многочисленные мемуары, и акты белых правительств, и прочие документы. Особенно много документов и исследований появляется в год празднования 40 октября — тогда было выпущено исторической литературы о тех событиях в несколько раз больше, чем за всё последнее десятилетие.

Вклад отечественной исторической науки, а тут мы можем назвать такие имена, как М.Н. Покровский, А.М. Панкратова, В.З. Дробижев, Л.А. Галкина, Г.З. Иоффе, И.И. Минц, Э.Н. Бурджалов, Ю.И. Кораблёв, П.В. Волобуев, В.И. Старцев по достоинству был признан и нашими западными коллегами. Во всяком случае, даже те из них, которые критически относились к Октябрю, пользовались колоссальной базой фактов, накопленных именно советскими историками. Однако уже к середине 80-х гг. советская историческая наука переживает период консервации прежних подходов, тем исследования, исторических концепций. Этот относительный застой особенно виден на примере выходивших тогда работ обобщающего плана. Их авторы вместо того, чтобы по-новому осмыслить уже накопленные знания, шли по пути введения в научный оборот новых фактов, которые некомфортно чувствовали себя в тисках устаревших социологических моделей.

В этом ключе, начавшийся в годы перестройки бум “переосмыслений”, казалось бы, имел под собой реальную почву. И если бы не явная тенденциозность большинства авторов работ, появившихся в этот момент, то растущий интерес к 1917 году можно было бы только поприветствовать.

Ангажированность большинства публикаций на тему об Октябрьской революции 1917 г. заставляла усомниться: а действительно ли перед нами новые подходы к изучению тех событий? И действительно, как правило, речь шла не о чём-то новом, а о чём-то хорошо забытом или даже не забытом старом.

Взять, к примеру, расхожий сегодня миф о шпионаже Ленина в пользу Германии или о немецком золоте, на которое якобы делалась революция. Об этом, в частности, пишет Ю. Фельштинский. Но эта легенда была рождена никем иным, как политическим оппонентом Ленина — А. Керенским. С тех пор никаких принципиально новых свидетельств, которые можно было бы считать не сфальсифицированными, о связях Ленина с немцами найдено не было. Публикуемые же Фельштинским и некоторыми другими «разоблачителями» документы вызывают большие сомнения относительно их подлинности и, по крайней мере, не так однозначны, как на этом настаивают сторонники теории “немецкого золота”. Несостоятельность мифа уже в наши дни чётко показана в работах, например, Старцева, и попытки реанимировать его свидетельствуют лишь о политической ангажированности отдельных авторов.

Другой миф — о “красном терроре”. Он “белой нитью” проходит через работы о большевистских лидерах Волгогонова, Капустина и других подобных авторов, чьи работы появились на гребне “перестройки” в исторической науке. Особенно характерна для этого направления волгогоновская работа о Ленине, неоднократно раскритикованная объективными историками, но всё ещё служащая источников вдохновения для самых разнообразных мифотворцев.

Однако достаточно взять книги Мельгунова, журналиста, лидера антибольшевистского подполья, а после высылки из страны — плодовитого писателя, и вторичность, концептуальная подражательность современных авторов станет очевидна. Реальной попытки разобраться в очень сложной и принципиально важной проблеме об истоках красного террора, так же как и у Мельгунова, у них нет. Анализ с позиций историзма заменяется существенными искажениями действительности и умозрительными выводами. Вместо научной критики такого явления как террор, в частности, красный террор, современные авторы упражняются в банальном мифотворчестве. Но если мифотворчество Мельгунова ещё имело под собой какие-то объективные основания (он сопричастен той эпохе, которая была столь грандиозна, что современникам без мифов её было просто немислимо охватить полностью), то нынешние мифотворцы искажают историю сознательно. И не важно, что является у них побудительным мотивом: корысть, предвзятость, жажда мести? Результат один — искажение исторического сознания целых поколений.

Другим ярким примером уровня сегодняшней критики Октября, является оживлённое обсуждение в ангажированной исторической публицистике судеб Николая II. Здесь вообще трудно найти вдумчивые, привлекающие новые источники работы. Но что нового, по сравнению с Н.А. Соколовым, белым офицером, выпустившим за границу книгу “Убийство царской семьи” и другими авторами из того же лагеря, содержится в этих работах? Практически ничего.

Таким образом, большинство наиболее широко распространённых сегодня оценок событий, связанных с революцией 1917 г. есть ничто иное, как заимствование концепций, рождённых в среде русской эмиграции. К счастью, далеко не все историки подпали под влияние конъюнктуры. Необходимость новых подходов, методов и оценок чувствовалась в профессиональной среде академической и вузовской исторической науки как нигде остро. В последние годы начали появляться работы многих историков, в которых с разных позиций идёт серьёзный научный разговор о судьбах русской революции и её результатах. Хотя объективистское, собственно научное течение современной историографии революции, в отличие от мифологического течения, смогло добиться очень внушительных результатов, даже в трудах серьёзных историков далеко не все проблемы, требующие своего решения или переосмысления, получили достаточное освещение. Остановимся на некоторых из них и посмотрим на возможные пути дальнейшего развития исторического поиска.

Причины и предпосылки

Вопрос о причинах русской революции относится к числу не только наиболее важных, но и к числу наиболее сложных. Сложных уже потому, что для ответа на него требуется определиться, считать ли революцию 1917 г. единым историческим процессом? Или более верно говорить о двух самостоятельных революциях: февральской и октябрьской? Тем более что существует несколько точек зрения на то, что следует понимать под термином “революция”. То ли это разворачивающееся во времени событие, то ли переход от одного типа общества к другому, то ли переход власти от одной социальной силы к другой. Словом, единства в подходах сегодня нет, хотя большинство историков в наши дни пишут всё же о единой революции 1917 года.

Где же выход?

Ясно, что Октябрь от Февраля не был отгорожен непроходимой стеной, более того, он органически вытекал из него. Но столь же не правомерно и затушёвывать те коренные отличия, которые существуют между Октябрём и Февралём, ведь именно Октябрь выводит русскую революцию 1917 г. на уровень Великих революций, и более того — делает её величайшей революцией в истории человечества. Февраль же по своему характеру и значению не выходит за рамки многих революций того времени.

Всё это заставляет вопрос об определении временных рамок и хронологии русской революции решать комплексно, учитывая все известные сегодня подходы к определению понятия революции. В этом случае русскую революцию 1917 г. следует воспринимать как единое историческое явление, точнее единый исторический **процесс**. При этом, однако, в ней отчётливо выделяются два разных и по характеру, и по глубине, и по движущим силам этапа. Важность этих этапов для характеристики самого процесса столь велика, что при взгляде на события 1917 г. с точки зрения формационного развития человечества, о них следует говорить как о самостоятельных революциях: и в феврале, и в октябре 1917 г. сменились не только господствующие политические силы, но и тип государства, и вектор исторического развития, и господствующий класс.

Соответственно, говоря о причинах и предпосылках революции, следует вести разговор, во-первых, о причинах и предпосылках русской революции 1917 г. в целом, во-вторых, о причинах и предпосылках каждого её этапа в отдельности. При этом под предпосылками следует понимать то, что делало те или иные события возможными, а под причинами — то, что делало их неизбежным. В противном случае можно повторить ошибку эсеровских теоретиков, в частности Чернова, которые путали внешние проявления кризиса социальной системы с пружинами развития революции.

Что даёт такой, комплексный метод с научной точки зрения? Во-первых, он по-

---

зволяет рассмотреть революцию 1917 г. во всём многообразии её проявлений. Вторых, сразу становится видно какие же задачи стояли перед ней и были ли они решены в феврале? Если да — то на сколько. Если нет, — то сказалось ли это на созревании следующего этапа революции? Наконец, можно разобраться с вопросом, что же определило радикализм и глубину этого второго, октябрьского этапа революции: только нерешенность общих задач, стоявших перед страной, или ещё и какие-то другие, специфические именно для Октября факторы?

Поднимая проблему причин и предпосылок революции наиболее просто разобьётся с той её частью, которая касается неизбежности революции в целом. Что Россия в начале XX в. стояла на пороге перемен мало кто отрицал уже в те годы. Не много желающих оспорить созревание в стране предпосылок свержения самодержавия и сегодня.

Известна, например, ленинская точка зрения на этот счёт. Согласно ей революция в России была возможна, поскольку страна превратилась в настоящий клубок противоречий. При этом противоречия эти носили столь острый характер, что буквально каждое из них даже само по себе могло стать детонатором общественного взрыва. Другой лидер большевиков Н.И. Бухарин, повторяя основные выводы В.И. Ленина, писал в разгар событий 1917 г., что *в основе революционных потрясений в России лежали противоречия “между развитием производительных сил страны и полуфеодальными имущественными отношениями”, а так же соответствующим им “политическим укладом романовской империи”*.

Вопреки распространенным сегодня суждениям, выводы большевиков о возможности в России революции не сводились к абсолютизации ими готовности к активным действиям одного только пролетариата. Тот же Бухарин, например, в качестве основной экономической проблемы страны называл недочёты реформы 1861 г., освободившей крестьян не только от крепостной зависимости, но, заодно, и от земли. Главное бедой села, по его убеждению, было то, что *“при господстве крупного землевладения само хозяйство оставалось мелким”*. Таким образом, все громадное здание Российской империи строилось на слабой базе мелкого крестьянского хозяйства. Ни насаждение капитализма в деревне Столыпиным, ни кооперация не смогли “поднять крестьянское хозяйство на такую высоту, которая сделала бы излишней аграрную революцию”. Дело, конечно, не в «высоте», а типе аграрных отношений. Как показывают современные исследования, в частности И.Я. Фроянова и С.Г. Кара-Мурзы, аграрные отношения, существовавшие в России и в начале XX в., и после реформ Столыпина ни в коей мере не способствовали поступательному развитию русской крестьянской общины, наоборот — душили её. Это создавало не только преграду для экономического развития деревни, но и постоянно порождало угрозу социального взрыва в деревне. На таком фундаменте Империя устоять не могла.

Впрочем, с революционными планами в начале XX в. выступали отнюдь не только большевики. Не оспаривали, что Россия созрела для революции и либералы, и даже черносотенцы. Либералы во главу угла своих концепций ставили проблему взаимоотношений власти и общества. Авторитарная власть, не дававшая стране войти в современную буржуазную цивилизацию, по мнению либералов, теряла свою притягательность. А это создавало условия для признания либералами легитимности революционной замены власти. Что же касается черносотенцев (или, как многие говорят сейчас — традиционалистов), то они, наоборот, главную беду видели именно в насаждении в России буржуазных порядков: меркантилизма и бюрократизма.²

Масштабы этих явлений, по оценкам черносотенцев, были пугающими, а поэтому мыслились и самые решительные методы борьбы с ними. Как писал в своём послании духовному авторитету русского традиционализма начала века епископу Антонию Волынскому член Русского собрания Б.Н. Никольский: “Быть консерватором нынче значит быть, по крайней мере, радикалом, а вернее – революционером”.

Таким образом, уже у современников Октября можно разглядеть все основные концептуальные подходы к изучению его истоков, будь то социальный, культурологический или любой другой. Хотя в наиболее законченном виде эти подходы, конечно, были сформулированы уже потом. Какие же трактовки причин и предпосылок революции 1917 г. в наши дни наиболее популярны? Даже если брать работы только серьёзных исследователей, без оглядки на историческую публицистику, таких подходов окажется несколько. Характерной чертой многих из них является то, что они выдвинуты в противовес, а не в развитие формационного подхода к революции. Тем не менее, научная сила материалистического взгляда на историю столь весома, что большинство нынешних концепций разработано с учётом его основных положений и выводов.

Как пишет один из наиболее крупных сегодня специалистов в области изучения революции 1917 г. В.П. Булдаков, среди наиболее распространённых современных концепций отечественной истории можно назвать концепцию модернизации. С позиции модернизации сегодня объясняются не только события 1930-х гг., но и всей российской истории с конца XIX века. В общую парадигму модернизации укладываются и реформы 60—80-х гг. этого века, и деятельность реформаторов века XX-го: С.Ю. Витте, В.Н. Коковцева, П.А. Столыпина. Причины же революции легко объясни-

---

² Да—да, именно бюрократизма. Бюрократизм для них был следствием именно развития капитализма, поскольку до его проникновения в Россию, отечественное чиновничество было одним из самых малочисленных в мире, а если сравнивать разные страны по количеству чиновников, приходящихся, так сказать, на душу населения, то тут Россия вообще может показаться живым воплощением предельных мечтаний самых радикальных анархистов о безгосударственном обществе.

мы как результат пробуксовки модернизации на психосоциальном уровне, а так же на уровне политико-экономического развития.

Концепция модернизации в наиболее продвинутых своих вариантах подразумевает изменения не только в экономической сфере. Модернизация, согласно такому, расширенному подходу, охватила все области жизни, включая политическую надстройку и область социальной психологии. Но специфика России как сложного, многоукладного организма не позволяет свести все происходившие в ней на рубеже XIX—XX веков процессы исключительно к результатам модернизации. Поэтому в последние годы важное место в исторической науке приобретает цивилизационный подход.

Концепция параллельных цивилизаций не случайно родилась в России в трудах славянофилов. Она отражала специфику страны. Специфику, проявившуюся практически во всех областях. Как справедливо отмечает тот же Булдаков, в начале XX века Россия представляла собой особый реликтовый тип империи. Не капиталистическая, но и не традиционная, Российская империя не была “пережитком”, хотя и строилась на “архаичных”, патерналистских общественных связях. Власть при этом держалась не только на насилии, законе, и т.п., но и на определённом авторитете, уходящим в прошлое.

Понимание России как некоего целого, хотя и крайне сложного, организма позволяет по-новому говорить и об истоках революции в ней. Революция, понимаемая как кризис этой империи, не могла явиться результатом случайного стечения обстоятельств. Наоборот, революция вызревала в обществе на протяжении нескольких десятилетий подряд. Кризис империи был системным, т.е. затронул все важные для развития общества сферы. Следовательно, и предпосылки революции следует изучать во всех сферах: идеологической, политической, социальной, институциональной, экономической, даже бытовой...

По мнению В.П. Булдакова, при таком подходе можно выделить несколько уровней (стадий, этапов, компонентов) революционного кризиса. Так, этическая стадия кризиса, связанная с десакрализацией власти, началась с подмены традиционных форм власти бюрократическим абсолютизмом в эпоху Петра I. Идеологический компонент кризиса связан с формированием западной элиты. Политический кризис вытекал из раскола элиты на бюрократию и оппозицию (интеллигенцию). Сопrotивление интеллигенции любым шагам власти вело к кризису в области управления. Охлократический этап кризиса вызван растущей маргинализацией целых слоёв населения и т.д.

Слов нет, концепция интересна. Но как пишет Булдаков, проблема предпосылок революции может быть правильно поставлена лишь при условии, если события революционных лет будут рассматриваться как часть более широких процессов ускоренных внешним вызовом. И эта оговорка о внешнем воздействии на ситуацию в

России представляется очень важной. Она если даже не опровергает полностью цивилизационный подход, то серьёзно ограничивает возникшие на его почве спекуляции.

Правда, говоря о внешних факторах, было бы излишним определить, что же под ним следует понимать? В современной исторической науке под этим, столь «судьбоносным» для России внешним фактором чаще всего понимают I Мировую войну. Понятно, что этот подход слишком узко, однако, в общем, как мы видим, историческая наука сегодня не испытывает дефицита идей для обоснования закономерного характера революции, произошедшей в нашей стране в 1917 году.

Иначе дело обстоит с разработкой вопроса о причинах и предпосылках **отдельных этапов революции 1917 года, или, точнее Октябрьской революции**. Многие историки, стремясь осмыслить произошедшее в стране, не торопятся признать закономерность **социалистического этапа** русской революции. Впрочем, и здесь можно невольно воскликнуть: Ничто не ново под Луной!». Позиции некоторых современных авторов в этом вопросе напоминают оценки, бытовавшие в нашей науке в 1920-е годы. Сторонники одного из существовавших тогда течений, так называемые “денационализаторы”, утверждали, что в стране не было собственной системы монополистического капитализма. Так, Л. Крицман прямо указывал, что происходившее в России сращивание банков и промышленных монополий было сращиванием иностранного банковского капитала с иностранным же промышленным капиталом. Таким образом, происходило не создание системы национального финансового капитала, а расширение сферы эксплуатации иностранного финансового капитала. *Понятно, что такие взгляды прямо вели к отрицанию существования в России предпосылок социалистического этапа революции*. В то же время, отнюдь не во всех исторических исследованиях, вышедших уже в период после 1985 г., ставятся под сомнение объективность и закономерность социалистической революции в России. Так, например видный историк Г.Д. Алексеева в своём труде «Критика эсеровской концепции Октябрьской революции» не только подробно излагает Ленинский взгляд на эту проблему, но и активно отстаивает его актуальность.

Как же можно суммировать те взгляды и подходы, которые существуют сегодня к вопросу о причинах и предпосылках революции 1917 г., и её октябрьского этапа? Попробуем подвести некоторые предварительные итоги ведущихся по этому вопросу дискуссий.

Назревание революционного кризиса в Российской империи проходило на фоне перехода от традиционного к современному индустриальному обществу. Непростой уже сам по себе, процесс осложнялся в условиях России двумя основными противоречиями: между многоукладным экономическим развитием и жёстким авторитарным правлением; между быстрым внутренним развитием страны и её отставанием от передовых индустриальных государств и т.д.

Другой очень важной чертой российской действительности было то, что в силу запоздало вторичного развития капитализма в ней как бы накладывались друг на друга разные исторические эпохи, спрессованные во времени и пространстве. Ситуация не подразумевала для России повторения с запозданием на несколько десятилетий опыта передовых стран. В России возможность складывалась особая “комбинированная” формация, при которой новейшие организационные формы капитализма вживались в прочие уклады либо преобразуя их, либо консервируя, либо разрушая, либо вступая в антагонистические конфликты. Ввиду этого старые противоречия помножались на новые. Одновременно приходилось решать вопросы внешней безопасности, аграрный вопрос, задачи индустриального роста и связанные с этим в тех условиях противоречия между трудом и капиталом, снимать межнациональную напряжённость, демократизировать общество.

Эти-то предпосылки, которые были на лицо уже в период революции 1905 г. и послужили основой февральской революции. Все имевшиеся в стране противоречия были, к тому же, существенно обострены Мировой войной, которую и следует считать главным детонатором общественного взрыва. Но февральская революция не смогла решить ни одной из стоявших перед страной задач. Остался без ответа главный вопрос всякой революции — вопрос о власти. Вместо его решения в стране установилась ситуация двоевластия. Псевдорешение было найдено и для национального вопроса. По свидетельству далёкого от большевиков чешского политического деятеля К. Крамаржа, политика Временного правительства вела к распаду российского государства. Непоследовательные шаги правительства в других важнейших для России вопросах — аграрном и рабочем, — только обострили их. И, наконец, Временное правительство продолжало вести политику войны, тем самым почти наверняка обрекая себя на повторение судьбы царского правительства. Все эти обстоятельства, взятые в совокупности, предопределяли неизбежность следующего, существенно более радикального этапа революции.

Но были у Красного Октября и другие, качественно иные, нежели у всей русской революции 1917 г. в целом, предпосылки, определившие его социальную природу. Помимо уже называвшихся историками в прошлом, назовём ещё два, как нам представляется, значимых фактора, предопределявших именно социалистический характер Октябрьской революции. Речь идёт о вызревании в обществе коллективистских производственных отношений. Во-первых, по-новому сегодня следует посмотреть на роль в революции 1917 г. рабочего движения. Рабочее движение в 1917 г. оказывало мощное воздействие не только на политику, но и на экономику. Успехи движения за рабочий контроль создавали в русской промышленности такую ситуацию, когда ответственность формально всё ещё принадлежала старым владельцам, но фактически — через фабзавкомы в сфере производства, через профсоюзы в сфере распределения, через рабочую кооперацию в сфере обмена, — рабочее самоуправление всё

решительнее создавало условия для победы коллективных, некапиталистических форм собственности. Система рабочего самоуправления имела и соответствующую политическую надстройку — Советы. Переоценивать зрелость и значимость системы органов рабочего самоуправления не приходится, но и каким-то образом сбрасывать её со счёта, как стало модно сегодня, в корне неверно.

По-новому сегодня следует взглянуть и на потрясшую страну аграрную революцию. В частности, существенной корректировке необходимо подвергнуть укоренившуюся со времени Г.В. Плеханова точку зрения на "несоциалистичность" русского крестьянства. Сторонники этой точки зрения в большевистской партии (а вслед за ними и советские историки) не только искажали факты, но и подвергали серьёзной ревизии своего учителя Маркса, хотя и клялись в верности его заветам. Сам Маркс, как известно, видел путь России к новому обществу во многом именно через крестьянскую общину с её традициями трудовой демократии, социальной справедливости, коллективизма, совместного землепользования, взаимовыручки. При этом он подчёркивал необходимость определённых политических условий, которые бы смогли раскрепостить солидарные начала общинного уклада, но именно такие условия в перспективе создавала Октябрьская революция.

Альтернативы: мнимые и настоящие

Одной из наиболее дискуссионных в отечественной историографии последних нескольких лет проблем, связанных с историей революции 1917 г., является проблема альтернатив Октябрю. Интерес к ней можно объяснить, пожалуй, лишь тем, что изучение прошлого с точки зрения возможных альтернатив развития — явление довольно таки новое, вдохновляющее своей нетрадиционностью. Причём, новое не только для отечественных историков, но и вообще для истории как науки.

В принципе, метод альтернативного рассмотрения исторических событий — тема для разговора достаточно интересная сама по себе. Навеваянная постмодерном методика «исторических альтернатив» очень ярко отражает попытки превратить историческую науку в инструмент разрушения исторической памяти. Поэтому сам по себе «альтернативистский» подход в своём законченном виде есть глобальная альтернатива базовому принципу исторической науки — принципу историзма. Имеет ли метод «исторических альтернатив» перспективы? Имеет, но исключительно как инструмент для написания не претендующих на какую-либо минимальную научность статей в бульварной прессе. Использовать же его в качестве подспорья в серьёзных исторических исследованиях недопустимо.

В этом смысле на вопрос о том, имелись ли в 1917 г. альтернативы Октябрю, можно смело отвечать — нет, не имелись. Если бы такие альтернативы существовали, они обязательно бы так или иначе реализовались. Ну а если серьёзно? Неужели история — процесс безальтернативный, а люди в нём всего лишь винтики? Разуме-

---

ется, нет. Но так называемые альтернативы существуют в исторической действительности только в виде тенденций, возможностей, которые могут реализоваться, а могут и не реализоваться. Поэтому-то конструирование возможных альтернатив занятие столь контрпродуктивное. С точки зрения историзма единственно верным будет изучение существовавших в обществе тенденций и поиск ответов на вопрос, каким образом своим свободным выбором люди преопределили победу той или иной из них.

С этой точки зрения вопрос об альтернативах Октябрю имеет смысл только в том случае, если при этом вести речь о реально разворачивавшихся в 1917 г. процессах, каким-то образом взаимодействовавших между собой и тем самым определявших магистральное течение революции. В этом случае, при серьёзном научном подходе, так называемых “альтернатив” (а точнее — тенденций) окажется существенно больше, чем об этом пишут сегодня любители ниспровергать отечественную историю. И это не случайно, ведь если признавать сложный, системный характер переживаемого романовской империей кризиса, то придётся признать и множественность разбуженных ею социальных энергий, интересов и сил.

Особенно очевидна неоднозначность происходивших в 1917 году процессов на примере решения национального вопроса. По сути, единая российская революция выступала интегрированной производной от множества национальных революций: национальная польская революция, национальная финская революция, революция мусульманских и тюркских народов. Очевидно, что можно говорить и о национальной русской революции. В конечном итоге судьба государства решалась от того, каким образом будут взаимодействовать эти “частные» революции. Но и характер отдельно взятой национальной революции так же определялся множеством составлявших её противоречивых процессов. Например, в польской революции были силы, которые, подобно Ф.Э. Дзержинскому, видели судьбу Польши вместе с другими народами России, но были и силы, которые позже вместе с Ю. Пилсудским утверждали в стране националистическую фашистскую диктатуру.

Точно так же, как революцией отдельных народов, революция 1917 г. была революцией многих сословий, слоёв общества, классов, социальных движений. Можно говорить о солдатской революции, крестьянской или, шире, аграрной революции, городской революции, революции рабочих и других революциях составлявших единую социальную. Понятно, что объединить все эти, часто разнонаправленные, потоки, примерить, часто не совместимые, интересы могли только очень мощные силы. Только при учёте всех подобных факторов разговор об “альтернативах” в революции получает осмысленность.

Какие же силы сегодня объявляются альтернативными победившим в Октябре 1917 г. большевикам? Какие общественно-исторические альтернативы сегодня назы-

---

вают чаще других в исторических исследованиях? Наиболее часто сегодняшние критики Октября говорят о так называемой "демократической альтернативе". Наиболее желательным им видится тот путь развития, который связывается с коалиционным правительством кадетов и умеренных социалистов, Демократическим совещанием, Предпарламентом. Имела ли эта линия революции шансы стать объединительной и вывести нацию из кризиса?

Прежде всего, чтобы ответить на этот вопрос, выясним, насколько эта линия революции была внутренне непротиворечива и последовательна. Говорить о последовательности партии кадетов не приходится изначально. После февраля она пополнилась выходцами из ещё более правых буржуазных и даже помещичьих кругов. Лидер кадетов, видный отечественный историк П.Н. Милюков, выступавший за монархию, имел резкую оппозицию в рядах собственной партии как справа, так и слева. Не приходится говорить и о чёткости в линии умеренных социалистов. По мере радикализации масс, они всё больше раскалывались на сторонников союза с большевиками и на сторонников союза с цензовыми элементами. При этом железная логика революции заставляла партии умеренных социалистов в целом становиться на всё более левые, и даже революционные позиции. Неспособность руководства эсеров осознать этот объективный процесс в конечном итоге привела к тому, что от партии откололось её левое, революционное крыло и возникла самостоятельная Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Что же касается меньшевиков, то их левое интернационалистское крыло так же было готово к размежеванию и дальнейшему самоопределению. Центристы же внутри меньшевистской партии настолько ослабли, что их лидер И.Г. Церетели даже не был включен в столичный список меньшевиков на выборах в Учредительное собрание. Как писал ещё в конце сентября 1917 г. в газете Максима Горького "Новая жизнь" Р. Григорьев, меньшевистское крыло российской социал-демократии уходило в "политическое небытие".

Непрочность и рыхлость лагеря умеренной либерал-демократии вела к многочисленным расколам в её среде, а так же к тому, что, оказавшись у власти, она не справилась с управлением страной.

Часть исследователей в качестве реальной базы демократической альтернативы в революции называют так называемые Комитеты общественной безопасности (КО-Бы) или другие подобные им органы власти. Создание КОБов было вызвано самостоятельным творчеством различных групп, в принципе готовых к компромиссу между собой. В них входили представители кооперации, Советов, средней и крупной буржуазии, общественных организаций интеллигенции. Во многих городах, в том числе в Москве, в КОБы входили большевики. Широта социальной базы позволила некоторым современным историкам говорить о них как о ядре некоего "народного фронта". Этот, прямо скажем, не совсем привычный для того времени термин, упот-

---

ребляемый одним из крупнейших специалистов по истории революции 1917 г. Г.А. Герасименко, подчёркивает демократизм исполнительных общественных комитетов.

Но, на самом деле, КОБы не всегда были так уж демократичны. В той же Москве во главе Комитета общественных организаций стояли представители исключительно крупной буржуазии, деятели типа С.Н. Третьякова, П.П. Рябушинского. Исполком КООМа (Комитета общественных организаций Москвы — московского аналога КОБов) возглавлял Кишкин. Ясно, кто же на самом деле диктовали соответствующую политическую линию.

Кроме того, очень скоро, уже к лету 1917 КОБы вступают в полосу своего упадка. Обусловлено это было очень многими, иногда противоречащими один другому факторами. Во-первых, Временное правительство отказалось поначалу признать КОБы законными органами власти на местах и всячески противилось их деятельности. А потом и вовсе доктринёры из Временного правительства решили заменить возникшие снизу органы власти органами власти более однородными и лояльными. Во-вторых, когда на какой-то период времени КОБы смогли встроиться в пирамиду власти Временного правительства, они оказались подвержены тем же процессам саморазрушения, которые определяли все процессы, происходившее на протяжении 1917 г. внутри буржуазного государства.

Таким образом, “демократическая альтернатива” в революции 1917 г. — это мнимая альтернатива. Особенно необоснованны рассуждения, что воплощением этой альтернативы была деятельность Временного правительства, в особенности деятельность А.Ф. Керенского. Как показывает на большом архивном материале Г.А. Герасименко в своей книге “Народ и власть (1917 год)”, режим Керенского всё больше и больше эволюционировал в сторону тривиального диктаторского режима, режима личной власти. При этом нарастало его внутреннее разложение. Росли противоречия с обществом. В этом смысле не лишне будет отметить, что именно с именем Керенского некоторые современные историки, например Б.И. Колоницкий и А.А. Овсянников, в той или иной степени связывают первые уродливые ростки «культы личности» разного рода “революционных вождей”. Конечно, винить в возникновении «культы личности Керенского» самого только Керенского будет неверно. Но остаётся фактом, что Керенский не только не препятствовал возникновению своего собственного культа, но и всячески раздувал его. В наши дни многие критики Октября пишут о том, что большевистская революция в 1930-е гг. завершилась установлением «сталинской диктатуры», «культом личности И.В. Сталина». Однако при этом они умалчивают, что это «наследство» досталось Красному Октябрю как минимум от Белого Февраля, и что при Ленине самим Лениным прилагались реальные усилия по борьбе с подобными явлениями в большевистской среде.

Неслучайно авторы пишут о двух возможных для России 1917 г. путях выхода из кризиса: диктатуре правых и диктатуре левых. Но, если смотреть объективно, правый путь для страны был на практике путём в никуда. Реакция не решила бы ни одного вопроса революции, но и не смогла бы вернуть положение к дореволюционному состоянию. Диктатура правых грозила взрывом. Более того, весь опыт существования белых правительств — это опыт предательства национальных, геополитических, экономических и других интересов России, опыт постоянных, ничем неоправданных уступок в пользу западных союзников и предпринимательских кругов держав, более успешно идущих по пути становления империалистического капитализма. Финансовые круги этих стран не были склонны к альтруизму, они вложили в Россию немалые средства и поэтому имели в ней вполне понятные интересы, которые готовы были решительно защищать. В этом смысле, можно вынести для обсуждения историков следующую тему: “правая националистическая диктатура как путь России к стратегической зависимости от Запада”.

Кроме того, проблема “правой альтернативы” в революции сегодня вообще нуждается в самом серьёзном переосмыслении. Тема эта ещё ждёт своих исследователей, но уже сегодня можно внести некоторые коррективы в её освещение в прежней советской и зарубежной исторической науке. Считается привычным, что “правая альтернатива” сводилась к двум вариантам: реставрации монархии либо военной диктатуре. Но реально в стране нарастали процессы и совершенно иного плана. Поскольку революция вызвала к жизни самые широкие слои населения, контрреволюция не смогла бы удержаться, не создав себе столь же широкую социальную базу, как и революция. Истории известно праворадикальное, националистическое движение, которое в первой трети XX в. решительно противостояло революции, причём с опорой на очень широкую социальную базу. Это был фашизм — антагонист и социальный антипод коммунизма. Не следует исключать, что и в России правая альтернатива могла вылиться в фашистскую диктатуру, как это со временем и произошло практически повсеместно в государствах, отделившихся от Российской империи: Литве, Польше, Финляндии... Вероятность этого мною здесь формулируется предельно мягко для того, чтобы чересчур не шокировать читающую публику. Вместе с тем, как представляется, попытки генерала Врангеля опереться на среднего собственника, а так же деятельность таких фигур, как атаман Краснов достаточно красноречивы и говорят сами за себя.

Если же рассматривать “правую альтернативу” в традиционном для историографии понимании, то она окажется не менее рыхлой, нежели «либеральная альтернатива». Неслучайно некоторые участники событий революционного времени, например Церетели, считали правую альтернативу выдумкой, выдвинутой сугубо в политических целях. Можно согласиться с современным историком Октябрем Г. Иоф-

---

фе, что, во всяком случае, с момента провала мятежа генерала Корнилова шансы правых были близки к нулю. Историк подчёркивает, что «угроза» «второй» корниловщины являлась банальным пропагандистским прикрытием политики Временного правительства или даже просто миражём. Это и подтвердили последующие события, когда все попытки правой контрреволюции в октябре—ноябре 1917 г. были легко отбиты большевиками. Фактором «большой политики» правая альтернатива станет уже потом, когда войска интервентов спровоцируют в стране крупномасштабную гражданскую войну. Но, даже опираясь на иностранные штыки и иностранную помощь, «правая альтернатива» потерпела полное поражение. И масштабы этого поражения доказывают неслучайный характер произошедшего. Словом «правая альтернатива,» так же как и «демократическая» — была альтернативой мнимой.

Таким образом, реальным можно считать только тот путь, который вёл к дальнейшему углублению и радикализации революции. И вот в рамках левого выбора уже можно выделить как минимум две тенденции, два противоположных варианта развития: мирный и вооружённый.

В трактовке вопроса о мирном или насильственном вариантах развития революции так же существует несколько подходов. Первый из них звучит, например, в работе Н.И. Китаева. Он пишет: "в политической борьбе социальное насилие может быть мирным или немирным, вооружённым". На близких позициях стоит и А.Ш. Ширавов, полагающий, что "мирный путь означает завоевание и упрочение власти рабочим классом и его союзниками без силы оружия посредством использования демократических традиций на базе буржуазной законности, но неизбежно предполагает применение по отношению к контрреволюционным классам различных форм революционного насилия". Этот подход исходит из общего социологического определения политической власти как насилия. Согласно ему альтернативу следует искать не в противопоставлении мирного и насильственного развития революции, а в противопоставлении мирного и вооружённого вариантов завоевания власти.

Но есть и другие точки зрения. К примеру, исследователь из Саратова Ф.А. Рашитов считает позицию социологов не вполне применимой к историческому материалу, поскольку она оперирует довольно обобщёнными понятиями, тогда как для научно-исторического исследования терминология должна иметь более конкретный характер. Рашитов приходит к интересным, хотя и небесспорным выводам. Он, в частности, отмечает:

“Конкретный анализ социалистической революции с учётом характера взаимоотношений основных классовых сил позволил классикам марксизма-ленинизма прийти к важному выводу о возможности двух основных форм названной революции — мирной, насильственной и мирной, *о наличии между ними принципиальных различий*. Фактически речь идёт именно о *двух различных путях развития революции*, даже

можно сказать, о двух революциях: насильственной и мирной, а не просто о двух сторонах одного процесса, как нередко считают. И переход от одной формы революции к другой означает не просто перенос центра тяжести с одних средств на другие, изменение их соотношения, а коренной сдвиг в типе, социальном содержании революционного процесса, в способах разрешения присущих ему противоречиях².

В любом случае, Октябрьский этап революции 1917 г. мог развиваться как с применением вооружённого насилия со стороны революционных сил, так и без его применения. Альтернатива вооружённого и мирного развития революции осенью 1917 г. представляется вполне реальной. Реальность подобной альтернативы понимали и сами действующие лица русской революции 1917, такие как Ленин, Мартов и другие. Мартову, например, принадлежит фраза: "Я не знаю других способов творения власти, кроме двух — это или жест гражданина, избирающего у избирательной урны, или жест гражданина, заряжающего ружьё".

В этом случае задача историков может заключаться в том, чтобы определить причины, по которому реализовалась одна из этих возможностей, и что помешало реализоваться другой. Причину, по которой события пошли по более драматическому сценарию, следует видеть, конечно, и во внутриполитических факторах. Но, пожалуй, как представляется лично мне, важнейшую роль в обострении борьбы за власть в России сыграло вмешательство в её внутренние дела со стороны союзников по Антанте. На протяжении всего периода, названного А.И. Деникиным "второй Смутой", Россия испытывала давление со стороны государств Запада. Это давление, помимо всего прочего, не позволило Временному правительству занять более конструктивную позицию, в частности, попытаться выйти из Мировой войны и установить политический диалог с оппозицией, прежде всего большевиками. Не исключено, что именно желание Ленина вывести Россию из войны было самым неприемлемым в их программе для кабинета Керенского, поскольку многие социальные преобразования, за которые ратовали большевики, под давлением слева Временным правительством постепенно начинали проводиться в жизнь, хотя и не так последовательно, как это следовало бы делать в условиях охватившего страну тяжелейшего кризиса.

Большевизм и революция: Каменев? Бухарин? Ленин?

Таким образом, рассмотрение ситуации, сложившейся в России к осени 1917 г., показывает, что страна стояла перед необходимостью продолжения революции. Ещё летом, на первом съезде Советов Рабочих и Солдатских депутатов В.И. Ленин заявил, что в стране существует партия, готовая взять на себя ответственность за продолжение и углубление революции. Тогда его слова о том, что "есть такая партия", партия, готовая взять на себя в одиночку ответственность за всё происходящее в стране, были осмеяны и не приняты в расчёт. Однако время шло, и становилось всё

более очевидно, что именно большевики наиболее верно определили основную тенденцию развития революции.

Открывшаяся перед Россией левая альтернатива, поэтому, с осени 1917 г. на политическом уровне начинает отождествляться с большевиками и их союзниками. Поскольку же история не может быть процессом безликим, лишённым человеческой индивидуальности, то этот путь на каком-то этапе персонифицируется в Ленине и его соратниках. Происходит как бы совпадение объективного и субъективного в революции. Не только сами большевики выдвигали радикальные лозунги, но сама жизнь заставляла большевиков занимать всё более непримиримую позицию к существующему в стране хаосу. "Мы были вынесены этой громадной волной", — признавался впоследствии один из большевистских лидеров, оценивая ситуацию в стране в октябрьские дни 1917 года и причины, по которым большевики смогли добиться победы.

Однако и левая, большевистская альтернатива была в тот момент столь же неоднородной, как и те альтернативы, которые мы рассмотрели выше. Большевизм как монолит — это уже миф более позднего времени. Проследить, что же позволило левым силам объединиться на определённом историческом этапе, — значит понять один из наиболее важных процессов, определивших лицо всей революции 1917 года.

Существовавшие в большевизме в 1917 г. течения и тенденции внутреннего развития перед Октябрём могут быть персонифицированы тремя представителями партийного руководства. Кроме самого Ленина, речь здесь в какой-то мере может идти о Каменеве и Бухарине. И Каменев, и Бухарин представляли в тот период времени типы большевизма, отличные от Ленинского большевизма. Хотя, разумеется, абсолютизировать эти отличия так же не стоит: если бы они были слишком глубоки и охватывали все элементы доктрины и практики в целом, то партия в решающий момент просто распалась бы.

Л.Б. Каменев к Октябрю 1917 г. был одним из лидеров правого крыла большевистской партии. Кроме него к правым можно причислить А.И. Рыкова, В.П. Ногина, других видных большевиков. Одно время, а именно в марте 1917 г., к правым большевикам примыкал Сталин. То, что правое крыло было достаточно сильным, свидетельствует их господство в партии до момента возвращения в Россию Ленина. В это время они определяли всю политическую линию партии. По всем важнейшим вопросам революции правые старались предложить своё решение. Поэтому ленинская фраза в его последних работах о том, что "октябрьский эпизод" Каменева и Зиновьева не случаен, совершенно справедлива. В месте с тем, существование правого крыла партии позволяло Ленину вести широкие маневры. Если создавалась ситуация, когда большевики должны были идти на взаимодействие с умеренными социалистами, вперёд неизменно выдвигалось правое крыло партии. Переодически разногласия между правыми и центром сокращались, но в период Октября они опять чуть

было не поставили большевиков на грань раскола.

В советской исторической науке прочно закрепилась оценка “октябрьского поведения” Каменева как штрейкбрехерства, предательства. Можно встретить утверждения, будто Каменев “выдал планы партии” о вооружённом восстании. На самом деле всё было не совсем так. Те материалы, которые Каменев и Зиновьев передали в небольшевистскую прессу, не содержали ничего такого, что можно было бы охарактеризовать как разглашение планов партии. Наоборот, Каменев деликатно отводил обвинения от большевиков в подготовке к вооружённому восстанию. В частности, в знаменитом интервью Каменева газете “Новая жизнь” читаем: “Должен сказать, что мне неизвестны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или на другой срок вооружённых выступлений. Подобных решений партии не существует”. Но в тех конкретных условиях, в которых было сделано заявление Каменева, оно позволило некоторым политическим силам, давно обвинявшим большевиков в заговоре, вновь заявить о подготовке большевиками вооружённого переворота. В глазах многих, в том числе Ленина, такое поведение Каменева выглядело предательством. Однако, главное, что вызывало у Ленина беспокойство, было не общение Каменева со свободной прессой”, а те письма, которые Каменев и Зиновьев распространили *в самой партии*. В этих письмах содержалась программа действий, существенно отличная от того, что предлагал партии Ленин.

В вопросе о выборе мирных и немирных форм дальнейшего развития революции Каменев безоговорочно отвергал вооружённое восстание. Вместо вооружённого переворота он предлагал дожидаться выборов в Учредительное собрание. По его расчётам, авторитет партии рос, и большевики могли получить на выборах в него треть, а то и больше мест. Прогноз этот подтвердился лишь отчасти, — влияние большевиков росло, но не так быстро, и на Учредительном собрании большевики получили меньше четверти мандатов. Дело, конечно, не в этих «частностях», а в том, какие выводы делал Каменев из своих прогнозов. Вместо решительного захвата власти вооружённым путём, Каменев предлагал большевикам стать влиятельной ответственной оппозицией, которой власти “вынуждены будут уступать... на каждом шагу”. Вместо власти Советов, Каменев предлагал особый, тип государственного устройства. Суть его оригинальной программы в этом вопросе отражена в следующей фразе открытого письма к ряду региональных комитетов РСДРП (б): “Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идём”.

Таким образом, главное в Октябрьской позиции Каменева была идея комбинированного государства, в котором бы сочетались два типа представительных органов власти: общегражданские и классовые. Насколько альтернатива, предложенная Каменевым, была реальна? Отвечая на этот непростой вопрос, будет уместно вспом-

---

нить об одном малоизвестном факте. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, который состоялся ещё в мае 1917 г., т.е. раньше, чем даже I съезд Рабочих и Солдатских депутатов, эсеры предложили примерную схему устройства Советских органов в деревне. Схема охватывала крестьянские Советы от низового до общероссийского звена. Разработчики положения постарались выхолостить элементы “советской демократии” и, сохраняя сам термин “Советы”, по сути, так же, как и Каменев, предложили комбинированный тип представительных органов, в котором советские формы демократии объединялись бы с парламентскими. При этом с проектом Каменева проект эсера В.А. Кильчевского объединяет именно то, что на верхнем этаже представительных органов стоит учреждение парламентского типа, тогда как Советы должны были стать органами власти на местах. Но, как пишет современный исследователь В.М. Лавров в книге “Крестьянский парламент России”, расчёты эсеров оказались напрасны. “Всероссийские съезды крестьянских Советов так и остались форумами Советов, — заключает он, — осуществить задуманный шаг в сторону парламентской системы не удалось”. Таким образом, путь, предлагаемый Каменевым, который вел к комбинированному типу государства, можно считать тупиковым.³ Ещё более пагубные последствия, чем для революции в целом, он сулил для партии большевиков. Большевистская партия, созданная и развивавшаяся как революционная партия, в случае превращения её в партию влиятельной парламентской оппозиции просто умерла бы. Понятно, что **Ленин** никогда бы **не допустил** такого.

Помимо правого крыла, в большевизме существовало и левое. В февральские дни оно было ещё слабо, но успело заявить о себе резолюцией Выборгских большевиков требовавших низвержения всего старого строя, в том числе “основанную на контрреволюционном избирательном законе Государственную Думу”, и передать всю власть Советам, Советскому революционному правительству. Но постепенно влияние левых росло. К моменту июльских событий расклад сил в партии между ними и правыми был уже примерно равным, а к Октябрю 1917 г. — левое течение в партии уже явно доминировало над «правым», «каменевским» большевизмом. Как уже было отмечено, левый большевизм в этот период может быть персонифицирован фигурой молодого, большевистского экономиста и публициста Н.И. Бухарина. Джон Рид, в своей знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир», так характеризовал этого деятеля: «Бухарин, невысокий рыжебородый человек с глазами фана-

---

³ То, что оказалось нежизнеспособным применительно к крестьянским Советам, неминуемо не прижилось бы и в системе рабочих Советов, поскольку и те и другие строились по одному и тому же типу, вырастали из одних и тех же корней. Парламентская демократия была несовместима с советской не только в силу классовых, но и в силу цивилизационных различий, существовавших между этими двумя типами представительной власти.

тика, о котором говорили, что он «более левый, чем Ленин». Своим цепким взглядом журналиста Джон Рид уловил главное в Бухарине — его фанатизм. Что же этот фанатизм привносил с собой в большевистскую доктрину, что сулил он стране, в каком направлении подталкивал ход революции?

Левый коммунизм изучался с разных позиций, но его отличие от ленинского коммунизма всегда оставалось за скобками, особенно в работах зарубежных авторов. Более того, именно левых коммунистов на Западе часто изображали в качества наиболее ортодоксальных последователей Маркса. Подобные оценки левого коммунизма следует признать упрощённым. Не соответствует действительности и критика левого коммунизма, содержащаяся в работах советских историков, поскольку она носила конъюнктурный характер и была не достаточно глубока. Вместе с тем, феномен «левого коммунизма» заслуживает самого внимательного изучения. Что же можно считать разделительной чертой между взглядами Ленина и его оппонентами с левого фланга партии? Позицию левых коммунистов из прочих коммунистических групп выделяет, прежде всего, их абсолютизация насилия, чрезмерная даже на фоне жестокостей той эпохи. Идея насилия как революционного способа утверждения общественной гармонии разрабатывается в трудах Бухарина самым активным образом, причем именно в трудах, по времени непосредственно предшествующих революции или написанных вскоре после неё. Это было связано с влиянием на взгляды Бухарина (и многих других левых) событий Первой мировой войны.

Мировая война, а это Бухарин видел ежедневно, в невысказанных прежде масштабах калечила "человеческие ресурсы" и сокращала технико-организационную мощь капиталистических государств. Именно это, как полагал Бухарин, и вело к неизбежной победе мировой социалистической революции. Однако этого мало. Война, по Бухарину, создавала не только предпосылки социалистической революции, но и новые формы общественной организации, которые призваны стать основой коммунизма, — это так называемый "военный социализм", явление, широко распространённое во всех воюющих странах, в том числе и в России. Отсюда следовал бухаринский взгляд на войну как на революционное, по крайней мере, предреволюционное, а значит, чуть ли не прогрессивное явление. И теперь Бухарину оставался только один шаг до признания войны и военно-коммунистических методов построения нового общества самыми верными, а заодно — и до признания насилия, вплоть до массовых расстрелов, методом выработки коммунистического человечества из негодного человеческого материала прежней, капиталистической эпохи.

Особенности бухаринского понимания исторических предпосылок революции и методов построения нового общества заставляют признать, что эпизод, связанный с отказом Бухарина поддержать усилия партии по заключению Брестского мира, для него столь же неслучаен, как для Каменева октябрьский эпизод. Не случайна и та бухаринская апологетика военно-коммунистических мероприятий, на которые боль-

---

шевики вынуждены были пойти с началом гражданской войны. Для Бухарина военный коммунизм являлся естественным состоянием перехода к новому, справедливому послереволюционному развитию России. Понятно, что бухаринский фанатизм был для большевиков не менее опасен, чем соглашательство Каменева, а для страны — вообще губителен. Не случайно, те районы Советской Республики, в которых позиции левых были наиболее сильны, как, например, на Урале, в 1918 г. становятся очагами самой ожесточённой гражданской войны, хотя Урал, с его рабочим населением, мог стать прочной базой Советской власти.

Сегодняшнему обывателю остаётся только удивляться тому, каким образом у Ленина получалось объединить для общего дела столь разнородные силы, заставить таких разных людей работать в одной команде. Всякий раз, когда над партией возникла угроза разрыва, Ленину удавалось преодолеть её исключительно силой своего авторитета. Так было и в Октябрьские дни, когда Ленин смог настоять на своём плане вооружённого восстания, так было не раз и потом. К сожалению, в современной исторической науке эта, собственно Ленинская версия большевизма, не получила должного изучения. Предварительный разговор об этом на страницах журнала уже шёл (см.: Неизвестные документы Ленина // Альтернативы. 2000. № 1), поэтому повторяться не следует. Отметим только, что за прошедшие после публикации восемь лет серьёзного прорыва в этом направлении так и не последовало, за исключением выхода отдельных интересных книг.

Дискуссии о природе революции

Как мы видим, многочисленные походы к решению проблем Октября вызваны не только стремлением переписать историю, но и необходимостью разобраться в ней. Сложная, противоречивая ситуация в России 1917 г. рождает множество теорий и научных концепций. Существование нескольких точек зрения на причины, предпосылки, движущие силы революции предопределяет и неоднозначность оценок её природы, классового и исторического характера.

Понятно, что именно вопрос о природе революции подвержен конъюнктуре в наибольшей мере, поскольку он наиболее важен, принципиален. Кроме того, этот вопрос очень сложен, поэтому многие объективные серьёзные историки тоже затрудняются с ответами на него.

В решении проблемы о природе Октября ситуация вновь напоминает ту, которая складывалась в науке в первое послереволюционное десятилетие. Тогда так же, исходя из тезиса о незрелости в России предпосылок социализма, многими авторами подвергался сомнению пролетарский, социалистический характер революции. Так, к примеру, эта проблема решалась в одном из первых обобщающих трудов по советской истории, написанном известным советским историком С.А. Пионтковским. Развивая некоторые положения концепции М.Н. Покровского, Пионтковский ставил со-

---

циалистический характер революции под сомнение. Он характеризовал Октябрь как “двуликого Януса”: с одной стороны революция представлялась историком буржуазной, с другой — пролетарской. Как подчёркивал историк В.З. Дробижев, даже в декретах о рабочем контроле и о создании ВСНХ Пионтковский видел следы двойственности Октябрьской революции.

Подобные оценки в те годы не были чем-то исключительным. Например, по мнению В.Ф. Плетнёва, по сравнению с декретами о Земле и о Мире, положение о рабочем контроле было шагом назад. Сравнивая законы о Земле и о рабочем контроле, он писал о первом как о социалистической революции, тогда как «декрет о рабочем контроле, по его словам, являлся «революцией буржуазной». «С одной стороны, — пояснял он своё утверждение, — экспроприация экспроприаторов, упразднение частной собственности на землю и средства производства, с другой — сохранение принципа частной собственности — и лишь благая попытка причесать «в интересах регулирования» растрёпаннейший из всех способ производства». На основании этого он даже приходил к заключению о «полусоциализме» всей Октябрьской революции.

В эти же годы за рубежом, в среде русской эмиграции возникает ещё одна идеологическая школа, стремящаяся дать собственную оценку революции — евразийцы. Евразийцы в целом приветствовали революцию 1917 года, иногда их даже называли “православными большевиками”. Но классовое содержание 1917 г. их не интересовало. В оценках революции они исходили из абстрактных геополитических схем. В размахе и глубине революции они видели не волю восставшего против угнетателей народа, а процесс преодоления насильственной европеизации стран, начатой ещё Петром I. Своей разрушительностью, считали евразийцы, революция 1917 г. открыла путь для нового национального единства. Но евразийцы крайне негативно относились к коммунистической идеологии за присущие ей атеизм и интернационализм. В роли единственно правильной правящей партии, как пишут исследователи И.Н. Сиземская и Л.Н. Новикова, евразийцы видели самих себя, правда, с использованием созданных большевиками структур. В этом смысле евразийцы готовы были вернуться в Россию и работать в стране, но исключительно затем, чтобы ускорить перерождение партии коммунистов в организацию, исповедующую идеологию бесклассового Евразийства и евразийского национализма.

Как видим, идеи, высказанные вчера, и сегодня находят своих приверженцев. Появляются и новые, подчас неожиданные трактовки октябрьских событий и после-революционной деятельности большевиков. Так, В.П. Булдаков высказал точку зрения, согласно которой декреты о Мире и о Земле были вообще не политическими актами, а представляли собой своего рода “сакральную самопрезентацию” новой власти, претендующей на “правоверность” в глазах народа. При всей своей неожиданности, эта точка зрения, тем не менее, имеет созвучие с ленинскими высказыва-

---

ниями о пропагандистском, просветительском характере первых декретов Советской власти.

Характерной чертой современного состояния исторической науки, является то, что значительная часть исследователей признаёт антибуржуазный характер Октября. Но сделать следующий шаг, сказать о его социалистической природе, согласны немногие. В сегодняшней науке получило хождение убеждение, что антибуржуазный характер революции был укоренён в природе русской цивилизации. Но противоречит ли признание национального характера русской революции 1917 г. признанию пролетарской природы Октября? Национальное, безусловно, имеет самые глубокие исторические корни, но на политическом уровне обычно реализуется как классовое.

* * *

Подводя некоторые предварительные итоги развития сегодняшней историографии Великого Октября, отметим: сегодняшняя историческая наука вовсе не утратила интерес к тем грандиозным событиям почти вековой давности. Этот интерес к истории русской революции 1917 г. и её Октябрьского этапа выразился в оживлении прежних и появлении новых исторических концепций. Их пестрота и неоднозначность порождена не только политической конъюнктурой, чего так же невозможно отрицать, но и сложностью, многоплановостью, противоречивостью самого предмета исследования. Современные историки (если речь идёт именно о научной общественности, а не об отдельных придворных летописцах, мифотворцах и просто спекулянтах) расходясь в оценках причин, предпосылок, движущих сил и характера революции, сходятся в признании её закономерности, а так же исторической значимости для России и всего человечества. А если Октябрь 1917 года востребован с точки зрения академической науки, то, хочется верить, рано или поздно будет востребован его глубочайший демократический потенциал, полностью реализовать который наше общество всё ещё не осмелилось.